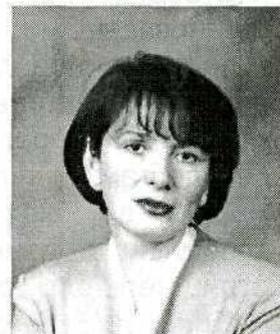


МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Экономические процессы на постсоветском пространстве и их особенности



Д.А. Миронов, М.Н. Вшивцева

2000 год был богат разного рода событиями, относящимися к политологии, социологии, философии и другим наукам, которые изучают проблемы общества. Во всех уголках земного шара проводились конференции, симпозиумы, коллоквиумы и семинары. В некоторых из них самое активное участие приняли уральские ученые.

Конечно, научная значимость тех или иных конференций была далеко не равнозначной. Некоторые из них носили знаковый характер, широко освещались в прессе, а их результаты вызвали большой общественный резонанс. К таковым, без сомнения, относится Всемирный политологический форум, проведенный в апреле 2000 года в столице Дании Копенгагене. Его организатором выступил Европейский консорциум политологических исследований, действительным членом которого с прошлого года стал факультет политологии и социологии Уральского университета. Думается, что в следующем номере мы расскажем об этом событии подробно. Тем более, что проходило оно одновременно с весьма пышным празднованием юбилея датской королевы, которую участники конференции могли лицезреть с довольно близкого расстояния...

Но были и научные встречи более локального характера, по сути дела, камерные по составу (такая форма пока

крайне редко практикуется в России), но которые тоже внесли заметный вклад в изучение тех или иных проблем. Наглядным примером может служить «Сократес-семинар», прошедший в конце мая 2000 года в старинном австрийском городе Зальцбурге. Его организаторы, и, прежде всего, профессор факультета политологии местного университета (кстати, одного из старейших в Европе) Ансельм Скура поставили перед собой цель обсудить взаимоотношения Евросоюза с бывшими социалистическими странами Восточной Европы.

Для этого они пригласили персонально по одному представителю от каждой из них, которым было предложено выступить с докладами на данную тему. В частности, от России был приглашен профессор факультета политологии и социологии УрГУ Д.А.Миронов, что уже само по себе свидетельствует о высоком авторитете уральской политической науки. Ниже мы публикуем один из разделов его выступления, который был написан совместно с Председателем правления «Уралсибсоцбанка» М.Н.Вшивцевой.

Как и в России, процесс трансформации в других независимых государствах, образовавшихся после распада Советского Союза, не ограничивался исключительно политической сферой. Важные изменения происходили здесь и в экономической области. При этом спектр

проводимых в экономике преобразований был и остается чрезвычайно широким. На постсоветском пространстве, как уже отмечалось выше, можно наблюдать самые разнообразные модели хозяйственного развития: от "рыночного социализма" до радикальных, сопровождаемых "шоковой терапией", рыночных отношений.

Вместе с тем, несмотря на все эти различия, в основе трансформации экономических систем всех появившихся на месте бывшего СССР государств изначально лежал единый для всех советский экономический потенциал с присущими ему характерными особенностями.

Результаты осуществляемой в Советском Союзе стратегии экономического развития, которая сложилась еще в 30-ые годы, а потом лишь незначительно модернизировалась, с одной стороны, создавали благоприятные предпосылки для успешного преобразования экономики вновь образовавшихся независимых стран, а, с другой, обусловили появление серьезных препятствий на этом пути.

Позитивную роль играли, безусловно, такие факторы, как высокая степень индустриализации подавляющего большинства бывших советских республик(1), масштабы и уровень подготовки квалифицированных кадров. Хотя и это вряд ли следует толковать однозначно. По мнению фон Бойме, к обществам советского типа классические теории модернизации неприменимы, так как речь в данном случае идет не столько о "недоиндустриализации", сколько о "переиндустриализации"(2).

Тормозило же процесс хозяйственного реформирования наследие советского периода в форме крайне слабого развития производства товаров народного потребления и сферы услуг, технологической отсталости. Негативно сказались также катастрофически устаревшее состояние основных материальных фондов и инфраструктуры. Наконец, подавляющее большинство занятых в сфере

общественного производства работников ни профессионально, ни психологически не было подготовлено к переходу на рыночные отношения.

Все это не только определяло в той или иной степени специфику процесса трансформации экономической системы в каждой отдельно взятой стране, но и оказало существенное воздействие на заново формирующиеся отношения между ними. Особенно наглядно результаты такого влияния проявились в деятельности Содружества Независимых Государств.

В настоящее время эта организация вступила в очередной, третий по счету, этап своего существования. В начальный период, протекавший с декабря 1991 до середины 1993 года, происходило становление СНГ, означавшее, фактически, более или менее цивилизованное политическое закрепление распада Советского Союза на фоне непрекращающегося финансового и экономического кризиса. Второй этап, завершившийся весной 1994 года вступлением в СНГ Молдовы и Грузии (теперь в СНГ входят все бывшие советские республики, за исключением прибалтийских – М.В.), был ознаменован мучительным поиском наиболее эффективных форм сотрудничества, крахом многих иллюзий и новыми экономическими потрясениями.

Для нынешней фазы развития СНГ в экономическом плане характерно, прежде всего, резкое снижение объемов взаимных поставок товарной продукции, в том числе и имеющей ключевое значение. Так, например, поставки угля сократились на 20 %, нефти – 30 %, зерна и древесины – 50 % и т.д. (3). Это обусловлено как продолжающимся общим падением производства, так и переориентацией ряда государств на более выгодное сотрудничество с партнерами вне Содружества. К этому добавляются почти полное отсутствие каких-либо сдвигов в структуре взаимного товарообмена, рост финансовой задолженности в основном по отношению к России (4) и другие

проблемы.

Современное состояние СНГ можно охарактеризовать, главным образом, как противодействие тенденций к дальнейшей дезинтеграции и стогнации, с одной стороны, и углублению политической и экономической интеграции, с другой. В то же время, в развитии самой интеграции также нет полного единообразия. Здесь явственно просматривается как минимум два варианта: "реинтеграция", которая подразумевает дальнейшее укрепление центральной роли России в СНГ, превращение ее в своеобразную "руководящую и направляющую силу" Содружества, что означает на практике в определенном смысле реставрацию СССР; и "неоинтеграция", предполагающая достижение полного равенства между всеми партнерами из числа бывших советских республик, консолидацию постсоветского пространства на основе демократии и подлинно рыночных отношений.

Идея экономической, а затем, на ее основе, и политической "реинтеграции" поддерживается и лоббируется теми политическими силами в России и других государствах Содружества, которые, без излишнего афиширования, ратуют за восстановление советской империи. Именно их влиянием объясняется появление время от времени определенных политических импульсов в пользу подобной трактовки сотрудничества. Например, в некоторых официальных документах открыто заявляется о том, что Россия не уступит свои ведущие позиции на территории бывшего СССР в пользу других региональных или мировых сил. Для этого необходимо сохранить здесь российское военное присутствие и стратегическую инфраструктуру, сложившуюся еще в период существования Советского Союза. С этой целью предполагается инструментализировать финансово-экономическую и политико-стратегическую зависимость постсоветских государств от России (5).

Способствует "реинтеграции" и такой фактор, как сохранение старой, почти не изменившейся со времен СССР формы товарообмена, когда стороны поставляют друг другу неконкурентноспособную продукцию. В свою очередь, это приводит к консервации малоэффективной структуры производства и потребления.

Все это происходит, как правило, на фоне экономического и социального кризиса, отсутствия реальной стратегии развития, явно недостаточной эффективности преобразований, проводимых в хозяйственной сфере, непрерывного маневрирования с целью экономического и финансового выживания, транспортной зависимости, слабых торговых связей со странами, не входящими в Содружество.

В середине 90-х годов доля России во внешней торговле Белоруссии составляла, например, 49,2 %, Украины – 47,4 %, Казахстана – 45,5 %, Молдовы – 40,2 %. Если же размер российской части был не столь внушителен, то и в этом случае львиная доля все равно приходилась на партнеров по СНГ (например, во внешней торговле Туркменистана Россия занимала только 5,3 %, зато Украина – 44 %, Армения – 11 %, Казахстан и Грузия – по 4 % и т.д.) (6).

Вместе с тем, в последние годы все больше набирают силы тенденции, объективно способствующие "неоинтеграции". Их развитие тесно связано с продолжающимся ухудшением экономической и финансовой ситуации в России, поскольку последняя оказывается просто не в состоянии выделять необходимые для поддержания процесса "реинтеграции" материальные ресурсы. Многие государства – члены Содружества начинают все отчетливее осознавать, что односторонняя экономическая и политическая зависимость от России, консервация устаревшей, доставшейся в наследство от СССР, структуры производства и потребления носят, поистине, губительный характер.

Такое понимание крепнет даже среди

тех стран СНГ, которые неоднократно заявляли о своей приверженности делу «углубления интеграции». Это своеобразное ядро Содружества составляют Белоруссия, Казахстан и Киргизстан, которые вместе с Россией заключили в марте 1996 года четырехсторонний договор, посвященный последовательному развитию интеграционных процессов в экономической и гуманитарной сферах(7). Тем не менее, и в Белоруссии, и в Казахстане многие эксперты – хозяйственники – сходятся на том, что необходимо постепенно преодолевать одностороннюю ориентацию на Россию. В противном случае, это может затормозить структурные преобразования в их собственной экономике и закрепить роль этих государств в мировом хозяйстве главным образом как поставщиков сырья.

А в Киргизстане весьма показательный характер приняло обсуждение возможных последствий присоединения этой страны к Таможенному союзу, которое состоялось в апреле 1996 года. Было отмечено, что наряду с явными положительными моментами – усилением помощи развитию киргизской экономики со стороны России, понижением цен на поставляемые в Киргизстан российские энергоносители, более широким доступом местных товаров на российский рынок, это событие может повлечь за собой и негативные последствия.

В результате был сделан вывод, что участие Киргизстана в Таможенном союзе таит в себе для этой страны немалый риск. Если экономические и политические реформы в России будут продолжаться, а ее хозяйственные отношения с другими государствами либерализоваться, то это принесет Киргизстану большую выгоду. Но, если процесс реформирования российской экономики прекратится, то Таможенный союз станет для Киргизстана большой обузой (8).

На пользу «неоинтеграции» идут

также те изменения, которые происходят в последние годы в мировой системе торгово-экономических взаимоотношений. Все более заметно постепенное дифференцирование во внешней торговле подавляющего большинства стран Содружества. А в экономической политике Запада наметился отход от преобладавшего в первой половине 90-х годов своеобразного руссоцентризма в сторону углубления хозяйственных связей с другими государствами СНГ (примером может служить сотрудничество США и Азербайджана в вопросе об экспорте каспийской нефти).

Борьба между тенденциями к интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве особенно наглядно проявляется в финансовой сфере. В первые годы после распада СССР провозгласившие себя независимыми государства сохранили бывший советский рубль в качестве денежной единицы. Однако образование этой «рублевой зоны» носило временный, переходный характер и способствовало, скорее, процессу дезинтеграции, поскольку объективно вело к сохранению всех негативных моментов, присущих плановой системе хозяйства: существенно отличающейся реальной стоимости наличных и безналичных денег, монополии и тотальному контролю со стороны государственных банков и т.д. Поэтому вскоре все бывшие советские республики начали постепенно отказываться от рубля как универсального платежного средства и вводить в обращение собственные денежные единицы. Так на Украине появились карбованцы, а затем гривны, в Азербайджане – манаты, в Казахстане – тенге, Эстонии – кроны и т.д. Значительному реконструированию подверглась банковская система. На базе бывших республиканских филиалов Госбанка СССР образовались национальные центральные банки, перед которыми встали задачи укрепить собственную самостоятельность по отношению к Москве, а также обеспечить определенную свободу действий

относительно местных правительств и других властных структур. Параллельно в новых независимых государствах возникали коммерческие банки, объективно заинтересованные в расширении сфер своей деятельности и выходе за национальные пределы, что, однако, наталкивалось на многочисленные препоны, прежде всего, правового характера (9).

Следствием нескоординированной денежной и финансовой политики явились преобладание натурального обмена над другими формами торговли, доминирование оплаты купленных товаров наличными деньгами, когда предпринимателям приходилось путешествовать с чемоданами, набитыми купюрами. Страны СНГ, а также прибалтийские государства стали существенно отличаться друг от друга по темпам инфляции, уровню цен, курсу по отношению к доллару. В конце ноября 1992 года разница в долларовой курсовой составляющей, например, между Алма-Атой и Ташкентом составляла, например, 60 рублей (10), что делало финансовые операции, постоянные переброски крупных денежных сумм через границы гораздо более выгодными и привлекательными по сравнению с реальными инвестициями.

Все это настойчиво диктовало необходимость принятия действенных мер, направленных на развитие всесторонней интеграции в денежно-финансовой сфере. В октябре 1992 года в Бишкеке шесть государств Содружества подписали соглашение, которое, помимо прочего, предусматривало образование межбанковского совета с целью проведения согласованной финансовой политики, а в перспективе – и создание объединенного Центрального банка (11). Позже к нему присоединились остальные участники СНГ, за исключением Украины и Азербайджана.

Однако практическая реализация этого документа вплоть до сегодняшнего дня осуществляется с немалыми трудностями и довольно медленными темпами. Уже в ноябре 1992 года на встрече экспертов в Минске проявились разногласия по поводу распределения права голоса среди участников создаваемых совместных финансовых организаций. Представители большинства бывших советских республик настаивали на соблюдении принципа «одна страна – один голос». Это было неприемлемо для российской стороны, которая предлагала учитывать уровень экономического развития каждого государства.

Продолжение – в следующем выпуске»